

Книги Артема Каменистого
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

**ЗАПРЕТНЫЙ МИР
РАДИУС ПОРАЖЕНИЯ
САФАРИ ДЛЯ ПОБЕДИТЕЛЕЙ
РАЙ БЕСПОЩАДНЫЙ**

Цикл
«ПРАКТИКАНТКА»

**ПРАКТИКАНТКА
БОЕВАЯ ЕДИНИЦА**

Цикл
«ПОГРАНИЧНАЯ РЕКА»

**ПОГРАНИЧНАЯ РЕКА
ЗЕМЛИ ХАЙТАНЫ
ЧЕТВЕРТЫЙ ГОД
ЭТО НАШ ДОМ**

Цикл
«ВРЕМЯ ОДИНОЧЕК»
**ВРЕМЯ ОДИНОЧЕК
ДОРОГИ СМЕРТНИКОВ**

Цикл
«ДЕВЯТЫЙ»
**ДЕВЯТЫЙ
НА РУИНАХ МАЛЬРОКА
РОЖДЕНИЕ ПОБЕДИТЕЛЯ**

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АРТЕМ КАМЕНИСТЫЙ

**РОЖДЕНИЕ
ПОБЕДИТЕЛЯ**

РОМАН

Москва, 2012

САРМАДА

&

«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К18

Серия основана в 1992 году
Выпуск 773

Художник
И. Воронин

Каменистый А.

К18 Рождение победителя: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 377 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1199-3

Высадка прошла удачно, но в сложившихся условиях выполнить задание невозможно. Здесь ничего не получается с первого раза, а кое-что не получается вообще. Он не был подготовлен к такому бесперспективному сценарию и сам себя загнал в тупик. За все в этом мире приходится расплачиваться, в том числе и за свои ошибки. Стандартная плата — кровь. И хорошо, если только своя. Жизнь без цели пуста и притягивает удары судьбы. Вечно бегать или остановиться и наконец дать бой? Пусть никто не верит в успех, пусть у тебя нет знаний, опыта и вышколенного войска, но самое время показать судьбе, что она не с тем связалась.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1199-3

© Артем Каменистый, 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

ПРОЛОГ

— ...Зверь этот в гневе лют до удивления, а потому приближаться к нему следует с опаской. Даже достойнейшие из рыцарей не могут с ним совладать честным оружием. Не берет его ни железо мягкое, ни сталь каленая, ни бронза древняя языческая, ни серебро освященное, ни кость, ни деревянные острия, ни молоты каменные. Валуны гранитные, сброшенные на волшебного зверя, птицей воспаряют в небеса; ловчие ямы под копытами в твердь превращаются; огонь лютый становится холодом, а чары колдовские не имеют над ним никакой власти. Сведущие люди поговаривают, что способ добыть рог с его лба все же имеется, но очень уж тяжкое это дело. Слаб зверь до чистоты и юной красоты — на то и ловится. Надобно разыскать девицу красивую телесно, без единого изъяна, с душой светлой, несварливую, нежадную, с добрым характером. И непременно чтобы непорочная была — иначе и близко не подпустит. Ее надобно привести на опушку роши, а дальше пусть идет одна, не оглядываясь и вверх не смотря. А когда он...

Где-то я уже про такой способ слышал. Опять с земной мифологией связь — не первый раз сталкиваюсь. Надо будет этого старичка подробнее расспросить: от кого узнал, откуда вообще суеверие пошло; не доводилось ли встречать слова «единорог», и прочее. Похоже, он еще не окончательно в маразм впал, раз ухитрился пережить здешний апокалипсис, — даже молодым и здоровым здесь нелегко пришлось. Есть шанс, что вспомнит.

Хотя вспомнит или нет — мне это не поможет. И вовсе не из-за того, что его способ нереально труден. Нет, вы не по-

думайте. Я понимаю, что найти прекрасную девушку с добрым характером (читай, безотказную), и при этом невинную, как цветок весенней фиалки, столь же непросто, как поймать черную кошку в помещении, где ее нет. Но дело вовсе не в этом — я просто не верю в целебную силу шарлатанского снадобья из рога несуществующего зверя.

Но сдаваться нельзя. Я искал и буду продолжать искать способ. Пока не найду. Сколько мне лет? Двадцать девять? Двадцать? Я и сам уже не знаю. Знаю одно — выгляжу на все сто (и это еще оптимистично сказано).

Развалина, в которую за несколько мгновений боя и неизвестно сколько дней лежания пластом превратился цветущий молодой человек. Опустошенное тело, неспособное без передышки подняться на второй этаж башни. Отдыхающее лишь на спине: любая другая поза — это гарантия нестерпимо болезненной ломоты через полчаса. С вечно слезящимися глазами. С шумом в ушах — когда бесконечно мерещатся голоса тех, кто умер или почти умер (что мне теперь до оставшихся за разделяющей миры бесконечностью?).

Чтобы в очередной раз победить смерть, я сделал то, с чем даже моя почти всемогущая система регенерации не справилась. Не исключено, что я потерял ее безвозвратно, — сгорела от перегрузки. Не выдержала информационного пресса и его физиологических последствий. Она ведь, если я правильно понял, с браком или повреждена. И гарантии на нее не имеется...

Я, кстати, пытался запустить черное сердце «вручную». Для начала пробовал потерять сознание методом нагрузки ног и прерывистого дыхания. Но уже после четвертого неуклюжего приседания, выполненного спиной к стене, в глазах потемнело, колени подогнулись, рухнув, ударился головой. Дух выбило напрочь — чего и добивался (правда, задумывал это не столь жестоко). Ну да ладно: того, чего хотел, все равно добился.

Но без толку. Сколько ни кричал в бездну, ответа не получил. Станный собеседник не появился. Или обиделся из-за чего-то, или ему неинтересно с инвалидом общаться, или тоже остался где-то за бесконечностью.

Не знаю...

Вот и сижу теперь в своем полуразрушенном замке, выслушиваю выживших из ума стариков и мутных типчиков с теми подчеркнuto честными рожами, какие нередко встречаются у профессиональных мошенников. Иногда даже интересные вещи узнаю. Но не те, в которых нуждаюсь.

Я до сих пор не знаю, что случилось. И, вспоминая события, предшествовавшие тому проклятому бою, прихожу к выводу: нелады со мной и до этого были. Нарастали снежным комом. Но я не замечал их — считал, что все идет как надо. Не понимал, что совершаю поступки, которые настоящий Дан вряд ли бы совершил.

Я не замечал простых вещей. Находил сложности там, где не стоило их искать. Делал то, чего делать не стоило ни при каких обстоятельствах. И бездействовал там, где мог справиться с проблемой парой вовремя сказанных слов. Я был дураком, использующим голову для принятия пищи и разбивания бетонных стен, которые умный человек попросту обходит.

Что со мной сделал этот мир?! Или это вина земных «яйцеголовых», спровадивших меня сюда в качестве то ли диверсанта, то ли подопытной морской свинки?

Я не ведаю. Но знаю одно: надо разобраться во всем. И стать прежним Даном. Умеющим думать головой, а не тем местом, которое я в последнее время для этого использовал. И чем быстрее верну себя, тем лучше. Не верю, что спокойная жизнь затянется надолго. Вскоре опять кому-нибудь приспичит накрыть меня медным тазиком. И встретить хозяина посуды должен настоящий Девятый: хитрый и ловкий диверсант из другого мира. А не эта развалина, которая одной рукой ложку с трудом удерживает.

Глава 1

MADE IN CHINA

Тук привычно помог подняться, поддержал, участливо поинтересовался:

— Сэр страж, как вам сегодня? Лучше не стало?

— Ты же видишь: я порхаю по залу, будто бабочка, и сверкаю как бриллиант. Здоровья столько, что не знаю куда его девать...

— Эх... Вот глядя на вас хочется даже запить. Совсем вы сдали. Чужало сердце: не надо было с тем чернокнижником драку затевать. Темные те еще шельмы — честной битвы от них не жди. Хотя вы его и укоротили на голову, но он успел вас чем-то отравить. Вот же козлище драный! А может, парилку попробовать с травами сушеными? В прошлый раз почти помогла.

— Если не считать того, что из бани меня пришлось на руках выносить.

— Ну с кем не бывает. Подумаешь — от пара сомлели. Без него ведь сами выходили.

— Ладно. Давай помогай умываться и одеваться.

— Ужинать сейчас будете или опосля?

При одной мысли о еде едва не стошнило желчью. Покачал головой:

— Лучше вообще не сегодня.

— Это вы зря так говорите. Кушать надо — от еды силы прибавляются. И пить тоже надо не воду, а что-нибудь поприличнее. Вино, например. Особенно красное хорошо большим помогает. Если перелом случится — так вообще первое дело.

— Я сломал себе все! Очень хочу излечиться! — донеслось сверху.

Оборачиваться на источник самого гнусного в мире голоса я не стал. И без того насмотрелся. Часами раскачивается на подвесном светильнике, обзывает всех с безнаказанной позиции и периодически клянчит спиртосодержащие жидкости.

Кстати, может, соорудить дистиллятор и выгнать настоящий спирт? Самому напиться с горя и Зеленому дать. Вдруг он дар речи потеряет и прекратит терзать уши? Хотя примитивным перегонным кубом здесь не обойтись — нужной крепости не добиться. Мне надо не меньше девяноста пяти оборотов: меньшим градусом летающую сволочь не удивить.

Стоп! Меня же учили. Дай время и кое-какие материалы, я не то что спирт — бензин девяноста пятый организовать смогу. В моих условиях непростая техническая задача, но решаемая.

Вот даже инвалидностью меня не исправить — так и тянет на нездоровую деятельность. Начав с мысли о спирте, закончил нефтепродуктами высокого качества.

А не пора ли сделать то, что уже не первый день откладываю?

— Тук. Мне надо опять на гору подняться.

— Сэр страж! Да вы одной ногой на похоронах, а опять туда же! Полежите, сил наберитесь. Глядишь, к весне и оклемаетесь, а там уж ходите куда вздумается.

— Тук, кто из нас главный?

— Простите, сэр страж. Вы, конечно. От души ведь говорю. Боязно за вас.

Кивнув на затянутое мутной пленкой окно, я уточнил:

— Как там с погодой?

— Да похолодало изрядно. Под утро иней был, и на мелких лужах ледок иголками. Местные поговаривают, что зима обещает быть холодной.

Меня это вполне устраивало. Главное, что дождя нет. Непромокаемая одежда в этом мире неизвестна. Плащи, наливаясь влагой, становятся свинцовыми, что в моем положении просто беда — тут бы сухое тряпье на плечах удерживать.

жать. Каждый лишний грамм давит на спину, прессует, выживает последние капли сил. Ненавистная осень — и еще более ненавистная зима. Не любил их на Земле — и здесь не полюблю. Несколько дней подряд моросит. Когда второй раз ходил к ковчегу, на обратном пути вымок и простудился. Наверное, это была последняя капля. Если поначалу, после комы, казалось, что дальше пойду на поправку, то теперь потянулся беспросветный инвалидный застой.

Нет, надо идти именно сегодня. Пока опять дождь не зарядил.

— Тук. Лошадей готовь. И сходи к Грату, заведи у него железку, которую я заказывал. Поедем к ковчегу.

— Дело, конечно, ваше, да только зря вы это в самом деле. Ковчег железный много лет простоял и еще долго стоять будет. Никуда не денется. А куда ему деваться, такому тяжелому?

— Лошадей готовь. И Трее скажи, чтобы отвар мне сделала. И горячим пусть его принесут, а не как вчера.

— Отвар помогает?

— Конечно. Иди давай.

Не буду же объяснять, что он для меня вместо чая, а не лекарства. Хоть на несколько минут озноб прекращается, если горячего выпьешь.

* * *

Опять Языческий холм. Дважды проклятое место: темное капище на вершине, и здоровье свое там же оставил. Лысые серые склоны — лишь редкие тощие кустики не брезгают расти на бесплодных камнях. Тощая трава уже поникла, мертвые стебли прибило к земле ветром. Лишь лишайникам непогода нипочем — их блекло-зеленые язвы не изменяются в зависимости от сезона.

Под копытами лошадей осыпается щебень. Меня не отпустили одного — хотя в окрестностях замка давно не показывались враждебно настроенные личности, но оставлять беспомощного сюзерена без охраны нельзя. Само собой, Тук поперся (очень недовольный — в Мальроке ведь гораздо веселее, чем здесь); Альра — Рыжая Смерть, или просто

любопытная местная девушка; и Амед — один из четверых убийц, которых за мной послал «друг-инквизитор». Из хесков тогда уцелело лишь трое, причем все они теперь обязаны мне душой и жизнью. Дожидаются момента, когда смогут расплатиться — спасти стража, после чего опять станут независимой шайкой.

Вот такой у меня эскорт: толстозадый зеленый попугай с подлыми глазами; плечистый горбун с арбузного размера кулаками; огненно-рыжая малышка с невинными глазами, с ног до головы увешанная кинжалами, ножами, какими-то серпами, с луком за спиной; и нездорово-спокойный душегуб с внешностью профессионального висельника. Если на холме встретится кто-нибудь нехороший, наверняка останется заикой от одного взгляда на такую милую компанию.

Зеленый уже десять раз пожалел, что сменил теплый намест светильника в донжоне на плечо дистрофика. Дождя нет, но холодно и ветер задувает. На этом холме даже при полном штиле так всегда — странное место. Попугай и рад бы остаться, но подслушанные разговоры навели его на подозрение, что мы идем открывать нечто очень большое, куда много лет не заглядывали люди. Если предположить, что там хранится вино (а он всегда и во всем первым делом подозревает наличие вина), то выдержка у напитка должна быть отменная. Это я Туку ради шутки сказал, но птиц таких шуток не понимает — решил лично проконтролировать процесс, опасаясь, что в противном случае может оказаться обделенным.

Вот и сарай. Ветхое сооружение, построенное землянином. Как сюда попал этот человек, я не представляю. Ведь если верить тем, кто меня сюда забросил, даже перенос одного грамма невозможен — всей энергии Вселенной на это не хватит. В противном случае я бы попал сюда в своем теле, а не в виде информационной матрицы.

А этот вот попал. Причем не с пустыми руками — пару танков с собой прихватил. Одну машину давно поглотили коварные пески аномалии, вторая стоит в сарае, запертая на ржавые замки.

Ничего — я не зря второй раз сюда поднимался, прихватив немного воска и пергамента. Справлюсь.

Спешиться смог самостоятельно, и даже голова при этом не закружилась. Удачно получилось. Придя в себя после такого великого свершения, попросил:

— Пойдите здесь. Я недолго.

— Не задерживайтесь, — попросила Рыжая.

— Я помню об опасности, — улыбаюсь девушке и захожу в сарай.

Хоть и помню, но не боюсь. Не знаю, какая чума занесла сюда этот танк, но сильно подозреваю — в процессе этого его здорово облучило. Он превратился в радиоактивный объект, пребывание рядом с которым вызывает лучевую болезнь. Здешние лекари справиться с ней не могли, из-за чего место стало непопулярным. При всей дороговизне металла ни один кузнец не рискнул отломить от ковчега что-нибудь на память.

Прошло время, фон должен снизиться. По крайней мере, очень на это надеюсь. Попугай, правда, ведет себя спокойно, но его чутье на радиоактивное излучение под большим вопросом, так что он не показатель.

Землянин, как я понял, тоже долго не протянул. Но мужиком он был сообразительным, знающим многое. Отпущенного срока хватило, чтобы у местных появились эффективные водяные мельницы, производительная добыча строительного камня и свинцовые копи где-то на севере. Устроил здесь такой прогресс, что его до сих пор вспоминают добрым словом. Хотя и прибавляют при этом, что выглядел тот человек странно. Совсем непохожим на нормальных людей.

Вот этот пункт мне непонятен. С моей точки зрения здешние жители если и отличаются от землян, то в лучшую сторону. Исключительно европеоиды (я не расист, но приятнее иметь дело с такими же белыми, как сам: как-то привычнее), нормального телосложения (бедаг вроде Тука немного), с чистой кожей, физически здоровые и без тараканов в голове. Нет единых строжайших требований к внешности и поведению, отклонения от которых чреваты общественным порицанием. Хочешь — бороду отращивай. Не хочешь — брейся. Благо опасные бритвы из приличной стали не такая уж редкость. Шапку лишь в храме положено

снимать: в простых домах — по своему усмотрению. Ну и прочий либерализм.

А какие здесь женщины! Мне раньше все не до них было — уж сильно жить хотелось, вот и занимался спасением себя любимого с утра до вечера. А теперь, когда свободного времени навалом, сумел оценить. На все вкусы: и стройные красотки, и приятные пышечки, недотроги-скромняшки — и очень даже пристально интересующиеся сильным полом, вплоть до полной бесстыжности. Если здесь и держат девиц под замком, то открывается он любой шпилькой. Бедолага-епископ пытается поднять нравы на высоту местного Эвереста, но пока что даже в его общине они на уровне укатанной горки, а про бакайцев лучше вообще помалкивать. Даже в сторону бессильного инвалида чертовки-островитянки не забывают бросать такие взгляды, что в очередной отчет постоянно тянет вставить заявку на ящик виагры: без нее я теперь только печально поглядывать способен.

И если кто-то думает, что в отсутствие косметических салонов женщины не могут следить за собой достойно, он сильно ошибается. Да, местные не используют сантиметрового слоя штукатурки, но в остальном все просто замечательно. Хоть прически и простые, но волосы ухоженные; чистая гладкая кожа, которую берегут пуще девичьей чести (ни одна не станет портки стирать, прежде чем не смажет руки какой-то защитной гадостью); кое-кто даже ногти отращивает (не пойму, как при этом ухитряются работать?). В теплые дни некоторые не стесняются носить юбки чуть ниже колен, демонстрируя ноги, знакомые с бритвой или даже депиляцией. И не только ноги — доводилось мне однажды видеть голую местную женщину. Точнее, не совсем женщину. А, ладно... что я опять о грустном...

Танковая броня обжигает холодом. Жалею, что не взял перчаток. Ну да не возвращаться же. Вот и люк, обследованный в прошлый раз. Мой коллега-землянин закрыл его на винтовой замок, а я, разобравшись в конструкции, сделал восковой оттиск и нарисовал чертеж для кузнеца. Грат к моим заявкам привык и легко выковал требуемое. Сейчас проверим, не напутал ли с размерами.

Не напутал — шестигранная трубка ключа легко вошла в отверстие, повернулась до упора. Выступы теперь в пазах замка. Начинаю поворачивать рукоятку по часовой стрелке, но безуспешно. Не подходит или заржавело? И то и другое вполне вероятно — я не мастер-взломщик, а танк слишком долго простоял без дела.

Кручу в другую сторону... с тем же нулевым эффектом. Но не отчаиваюсь — пробую расшатать механизм. Все так же безуспешно, к тому же руки начинают дрожать — даже мелкое усилие на меня действует плохо.

Позвать на помощь? Нет уж! Это дело чести! Я должен справиться сам!

К тому же не следует забывать о радиации. Утешаю себя мыслями, что за столько лет фон снизился до безопасного, но нельзя исключать и другого варианта. А раз так, то не стоит подвергать людей опасности. На себя уже почти наплевать, но зачем же товарищами рисковать.

Наваливаюсь на рукоять в отчаянном усилии. Без толку. В другую сторону. Оп! Сдвинулась! На пару миллиметров, но ключ все же повернулся. Теперь назад — расшатывая, увеличивая свободный ход.

Когда ключ совершил полный оборот, я взмок. А ведь это лишь один из многих — его еще крутить и крутить. Земляк! Зачем же ты закрыл машину так жестоко?! И что ты там такое спрятал, раз принял столь суровые меры предосторожности? Хорошо, если бы лекарство от всех болезней — даже неизвестных. Я от такого сейчас отказываться не стану.

После короткой передышки вновь взялся за дело. Ключ хотя и с трудом, но шел дальше и дальше. Механизм сильно заржавел, ему бы немного масла не помешало. Не сомневаюсь, что в маслобаках танка его хватает, вот только понятия не имею, как до них добраться. Люки двигательного отсека закрыты так же старательно, и возиться еще и с ними смысла не вижу.

Ключ пошел легко. Даже слишком легко. Похоже, все.

С душевным трепетом берусь за ручку, тяну, и... И ничего. Нет — крышка поддается, вот только сил поднять ее нет.

Ничего, я обязательно справлюсь. Без посторонней помощи.

Продаваю в ручку кинжал в ножнах, ухватываюсь, тяну двумя руками. Есть! С трудом, но открываю. Вот и черный проем люка. В последнем усилии отбрасываю крышку в сторону. Она откидывается с грохотом, в стороны отлетают куски механизма петель, а сам броневой диск с оглушительным грохотом скатывается с башни, ударяется о корпус, отскакивает, пробивает ветхую стену сарая, исчезает из глаз. Попугай с негодующим воплем взмывает с плеча, ударяется о низкий потолок, на голову сыплется труха.

Хорошо хоть по ноге не врезало. Железяка серьезная — из сорок пятого размера за секунду может сделать тридцать шестой.

Странно. Я был лучшего мнения о танках. Их ведь снаряд не должен брать — они чуть ли не вечные. А этот просто-ял немного под открытым небом, потом в сарае — и теперь рассыпается на глазах.

Может, его не радиация, а что-то другое накрыло? Какая-нибудь химия агрессивная. Хотя краска вон почти не облезла. С другой стороны, люк отвалился при открытии, а такого быть не должно. Опасно ведь для экипажа — можно без пальцев остаться или даже без головы. Или отлетит, как сейчас, и угодит во что-то совсем уж бесценное. Например, пробьет корпус батальонной полевой кухни или помнет дверцу личной командирской «Волги».

— Сэр страж! Что с вами?!

В дверном проеме показалась взволнованная Рыжая, за ее спиной так же переживает Тук, а в неровное окно, проделанное крышкой люка, заглядывает криминальная морда Амеда.

С трудом смирив дыхание, почти спокойно отвечаю:

— Со мной все в порядке. Не заходите сюда.

Спутники неохотно удаляются, а я наконец заглядываю в башню.

Темно, пыльно, пахнет чем-то затхло-техническим.

— Тук! Зажги фонарь и принеси мне!

Горбуна долго ждать не надо — показывается на пороге, ловко взбирается на броню, протягивает фонарь. Желез-

но-деревянный каркас, обклеенный пластинами клееной слюды, внутри горит свеча. Не сказать чтобы яркая штука, но другого нет. Вот теперь можно забраться внутрь.

В жизни я много где побывал, но в танке как-то не доводилось. И не жалею — судя по тому, что увидел, потерял немного. Тесно, мрачно, броня будто давит сразу со всех сторон. Как они вообще в пространстве ориентируются? Все равно что ездить с непрозрачными стеклами. Спартанские сиденья, какие-то неизвестного назначения приборы и механизмы, радиостанция, длинные свертки в задней части башни, металлические ящички, намекающие на богатое содержимое. И кожаная планшетка, подвешенная на казенной части орудия. Не надо быть гением, чтобы догадаться: тот, кто ее здесь оставил, очень сильно хотел, чтобы она бросилась в глаза.

Я не стал бездумно хватать это послание трясущимися от волнения руками. По очень простой причине: не хотел, чтобы эти самые руки оторвало от тела взрывом гранаты или мины. Мало ли что было на уме у того, кто закрывал танк последним!

Чистой воды паранойя. Захоти он убить того, кто сюда влезет, — устроил бы взрыв боеукладки при попытке открыть люк. Я, может, и гражданское лицо, но догадался, что спрятано в свертках. Снаряды, тщательно завернутые в просмоленную парусину. Наверное, с целью лучшей сохранности. Кстати, боеприпасов для орудия маловато. Скорее, даже очень маловато. Я, конечно, не специалист по бронетехнике, но уверен — их должно быть больше восьми. Куда делись остальные? Неизвестно...

Ладно. Здесь должно быть еще кое-что очень ценное, причем доступное для моего понимания. А именно — пулеметы. Я, если откровенно, по ним тоже не спец, но и не полный болван. Кое-какой минимум по обращению с различными образцами огнестрельного оружия давали перед заброской. А еще в том бою, после которого превратился в дряхлую развалину, когда суетливо листал «книгу» чужих знаний, по неопытности «загрузил» в себя несколько лишних страниц. В том числе и воспоминания какого-то безымянного солдата, прикрывавшего отход частей Красной ар-

мии. Его оставили на смерть, и он это понимал. Раненный в ногу — двойная обуза для товарищей: и сам идти быстро не может, и «станкач» ноша серьезная. Дело происходило возле какой-то неширокой речки. Один берег заболоченный, второй возвышенный. Вместо того чтобы засесть на горке, как поступил бы я, этот боец устроил крошечный окопчик понизу, в жидких кустиках. Когда на лугу показались враги, он позволил им выйти из зарослей, а потом буквально выкосил, аккуратно вода стволом в считанных сантиметрах от земли. На ровной как стол болотине немцы, даже падая плашмя, не находили укрытий, а вот он, лежа по уши в воде, не обращал внимания на их пальбу.

Пули, промазав мимо солдат в первых рядах, летели дальше, подстригая осоку и находя жертвы позади. Только тогда мне стало понятно, почему он не устроился на горке: с высокой позиции такого фокуса не получится. Патронов у него имелось прилично — знатную жатву устроил. Жаль, не знаю, чем все закончилось, — возможности досматривать не было.

Я это вот к чему вспомнил: тот красноармеец в пулеметах толк знал, и кое-что мне от него досталось. Трудно ожидать, что здесь установлено такое же оружие, но общий принцип, надеюсь, схож.

А вот тут меня ждал первый жесточайший облом — пулеметов в танке не оказалось.

Я, конечно, дуб-дерево в бронетехнике, но пулемет совсем на иголку не похож — не спрячется. Напрягая мозговые извилины, даже вспомнил, что один вроде бы обычно ставят вместе с орудием, чтобы наводчик не тратил дорогостоящих снарядов на цели, которые доступны для недорогих пуль. Даже нашел следы, где он когда-то крепился. Но теперь его нет.

Почему? Танк попал сюда неукомплектованным? Или... Что здесь вообще самое ценное с моей точки зрения? Естественно, пулеметы — я не зря их ищу с таким энтузиазмом. Мобильное оружие невиданной по местным меркам огневой мощи. Пока не закончится боезапас — я непобедим. Думаю, и мой предшественник это понимал и наверняка снял их первым делом. Пушку оставил. И правильно сделал: тя-

желая, без станка, более-менее эффективная разве что при осаде или защите крепостей. Хотя восемь снарядов — слишком несерьезно даже для этого. Рация и двигатель здесь тоже никому не нужны. Вот генератор еще снять не помещает — пригодится для демонстрации фокусов аборигенам. Да и кое-что попрacticalнее можно придумать — например, гальванирование ювелирных изделий. Вряд ли здесь такая технология известна: пока что никаких намеков на использование электричества не находил. Под это дело можно и лампочки выкрутить везде, где есть. Но это малозначительные мелочи.

Кстати, мой предшественник увлекался строительством водяных мельниц. Может, хотел электростанцию на реке построить? Хотя много ли поработаешь от танкового генератора...

Ладно, чего гадать. Есть планшетка, которую повесили не просто так. Рыжая упоминала о каких-то скрижaliaх. Спорю на что угодно — речь шла как раз о записях землянина. Оставил послание тем, кто придет вслед за ним. Надеюсь, он не забыл упомянуть место, где спрятал пулеметы. Без них мне останется довольствоваться оружием со скромным боекомплектом, инструментами, если они здесь есть, и несколькими малополезными безделушками. Разве что тонны брони еще, но с ней не ясно ничего — может, металл по местным меркам никуда не годный. К тому же не исключено, что фонит она до сих пор, а я расселся на холодном сиденье и никуда не тороплюсь. Хотя попугай по-прежнему ведет себя спокойно — сидит на краю люка и внимательно следит за мной в ожидании момента, когда же на свет появится вино. А он, судя по его поведению на древнем руднике, радиацию должен чувствовать.

В планшетке меня караулил второй жесточайший облом.

Нет, я не ошибся в своих предположениях. Там действительно оказались бумаги. Плотный пакет из все той же парусины, заклеенный смолой. Пришлось поработать кинжалом еще раз, чтобы добраться до записей. Позабыв про опасность радиации или отравления чем-нибудь непонятным, подсветил, жадно уставился.

И чуть не расхохотался.

Нет, высшие силы действительно существуют, причем смысл их существования — исключительно в издевательстве надо мной. Не может ведь неуправляемая судьба раз за разом устраивать со мной такие шутки! Мало того что без пулеметов остался, так еще и...

Выбрался на броню, исследовал башню. Вот не зря первый раз мне эта звездочка какой-то неправильной показалась. Как бы красная, но каемка непонятная. Теперь при свете убедился, что не ошибся. Каемка имеется. Желтая. И еще знак в центре — тоже желтый. На серп и молот ни разу непохожий. А похож он на те закорючки, которыми испачканы все бумаги в пакете.

И отвалившийся люк вспомнился — зримый показатель качества сборки.

Покосившись на планшетку, вздохнул.

Сплошное невезение.

* * *

На этих двух обломах мои сегодняшние злоключения не закончились. Едва я, уставший и поникший, с помощью Тука вскарабкался в седло, как небо решило, что хватит терпеть, — опять полилось. Дождь, временами едва морозящий, а временами очень даже приличный, сопровождал нас до самого замка. Натянув капюшон отяжелевшего плаща, я мечтал лишь об одном: быстрее в донжон — к чашке с горячим отваром. А может, и кое-что покрепче себе позволю. Даже мысли о птичьем бульоне проскакивали, но приходилось их отгонять. Дичь в окрестностях охотники повыбили, а кур у нас осталось мало — на развод держим. Есть, правда, немного овец — их местные пригнали с горных пастбищ, куда не добралась ни погань, ни армия Ортара. Но, представив отвратительно жирную бурду из баранины, чуть с лошади не сверзился.

Короткое приключение с танком высосало последние силы. Встречая на дороге подданных, я с трудом скидывал руку в приветствии. Со стороны это, наверное, выглядело очень натужно. Плевать — во всем Межгорье, наверное, нет

человека, который бы не знал, в какую развалину превратился сэр страж.

Перед воротами пришлось остановиться: телега, груженная дровами, решила именно здесь остаться без колеса. Мужик, ею управлявший, не нашел ничего лучшего, чем устроить феерический скандал. Стражники, как и полагается, требовали от него побыстрее убрать свой хлам с проезжей части. А он, вместо того чтобы заняться этим нужным делом, обзывал их на все лады, обвиняя в произошедшем несчастье. Дескать, ворота открыли не полностью, вот и зацепился.

Правда, при виде нашей кавалькады все начали шевелиться и кое-как сдвинули повозку в сторону, освободив узкий проход. Но пришлось простоять под дождем несколько лишних минут — укрытий от непогоды перед башней не было.

А потом — плетеное кресло перед камином, толстостенная кружка с глинтвейном, попрошайка-попугай и последующий прерывистый сон. Не успеешь отключиться, как пробуждаешься от приступа режущей боли в спине или еще чего-нибудь столь же нехорошего.

Мечтал о спокойной жизни, а получил пытку...

* * *

«Продолжение отчета добровольца номер девять. Надиктовано попугаю неустановленной породы в главной башне замка Мальрок, находящегося в Межгорье. Только не уточняйте, пожалуйста, где находится само Межгорье, — спросите что-нибудь полегче.

Дядя Ваня, прошу прощения за очередной перерыв. Нет, не волнуйтесь: все это время я был жив и находился в сознании. Просто хреново очень. На душе и вообще. Болен я серьезно. Настолько серьезно, что, будь дело на Земле, мне бы дали пенсию безо всяких справок — только на лицо взглянув. Не до отчетов мне. Лежу днями, в потолок уставившись. Даже поплевывать в него сил не хватает. Не думаю, что, попади вам в руки мое запоминающее биологическое устройство (Зеленый! А ну убрал башку из моего бокала!

Дырку клювом просверлишь!), вы бы с интересом выслушивали детальные описания потолочных перекрытий.

Других новостей не было. Народ работает, мне даже время от времени докладывают об успехах, а я как глядел в потолок, так и гляжу. Жизнь проходит мимо.

Сегодня впервые за несколько недель выпало что-то новенькое. Помните, я рассказывал вам про танк на холме? Сегодня я опять к нему съездил, изучил подробнее. Начну с хорошей новости: за время моего отсутствия его никто не украл.

А теперь о плохом: в нем не оказалось пулеметов. Так что прошу считать недействительными мои опрометчивые слова по поводу снятия заявки на крупнокалиберное автоматическое вооружение. Взрывайте сверхновые или сразу всю Вселенную и везите. Испытываю в них большую нужду. Нет, не в данный момент. Но, боюсь, вскоре понадобятся. Так и чувствую, что сюда приближается нечто или некто, испытывающий нездоровый интерес к вашему девятому добровольцу. Понятия не имею — смогу ли в своем нынешнем состоянии нажать на гашетку, но попробовать стоит.

Вторая плохая новость — в танке оказалось послание от человека, который сюда попал с Земли. Того самого — жертвы неведомого феномена, который иногда наблюдается на капище. Вы, конечно, спросите: «А чего же тут плохого?» Я вам отвечу: «А потому что я ни фи́га не смог прочитать!»

Нет, не подумайте, я не безграмотный. Но хоть и учился в инязе, к полиглотам меня отнести трудно. Ваня, я по-китайски знаю только одно слово: кун-фу. К тому же не уверен, что произношу его правильно. И не спрашивайте, как оно пишется, — за все сокровища мира не отвечу. Не потому что это секретная информация — просто не знаю ни одного иероглифа. А в бумагах, которые мне оставил этот милый человек, кроме иероглифов, нет ничего.

Это китайский танк! Мне следовало об этом догадаться сразу после того, как отвалился башенный люк. Показатель национального качества — даже в бронетехнике не гнушаются использовать картонные детали. Не исключено, что пулеметов на нем вообще никогда не было по причине того, что забыли поставить.

Такая вот коллизия...

Ввиду новых обстоятельств ко всем прежним заявкам добавляю самоучитель китайского — очень интересно узнать, что же написал мой предшественник. Наверняка смогу выяснить — как он сюда попал, историю танков и причины их загадочной опасности для окружающих. Кто знает — может, на основе этой информации научусь открывать дверь между мирами левой пяткой.

Кстати, эталон из благородных металлов мне больше не нужен — в планшете нашлась офицерская линейка. Точности до третьего знака после запятой я с ней не достигну, но всегда можно сравнить с другими источниками — в танке полным-полно приветов от метрической системы. Так что вместо тяжелого платинового стержня пришлите бутылочку чего-нибудь крепкого для моего диктофона — винный погреб замка не бездонен.

И экстрасенса или ведьму. Похоже, только они мне помогут. Случай не медицинский — будто связь души и тела нарушена.

И не надо говорить, что ведьму я и здесь найти смогу. Они, конечно, существуют, вот только живут ровно до того момента, когда о них узнают люди вроде карающих или нашего милого Конфидуса. После этого здешних экстрасенсов волокут на костер. На современной Земле с ними обращаются гораздо гуманнее, так что вам их прислать гораздо проще.

Ваш Девятый.

P.S. И резиновую грелку пришлите. Донжон отремонтировали, но здешние мастера — люди суровые и от потребителей требуют проявления выносливости: щелей хватает, а камину до русской печи далеко. Сквозняки. Мерзну».

Глава 2 ИНВАЛИД НА ХОЗЯЙСТВЕ

Тук сегодня мрачнее тучи — в последнее время он почти всегда такой. Горб не мешает ему носить звание главного бакайского бабника, да только теперь оно скорее почетное. Если раньше, при здоровом сюзерене, он мог себе позволить по десять раз на дню устраивать короткие отлучки с це-

лью завоевания очередного женского сердца или иного органа, то теперь малина закончилась. Сэр страж превратился в скелет, обтянутый кожей, его того и гляди сквозняком в форточку затащит. Глаз да глаз за таким беспомощным дистрофиком нужен.

Вот и ходит вокруг, вздыхает, постоянно ищет, чего бы выпить, — это у него сублимация такая. Попугай и раньше его уважал (хотя и своеобразно), а теперь вообще боится на шаг отпустить, чтобы без него все не употребил. Я даже ревновать начал — птиц горбуну внимания уделяет больше, чем мне.

Раньше я целыми днями валялся в надежде, что постельный режим поможет организму справиться с недугом. Но теперь наконец честно признался себе — толку от этого не предвидится. Болезнь моя необычна. Да и не болезнь это: странные последствия наложения эффекта от жадного контакта с неведомым банком данных на тело, в котором недавно поселился чуждый разум, а перед этим с ним делали что-то загадочное. Да и пыток в инквизиторском подвале не стоит сбрасывать со счета, как и ранений в сочетании с непрерывной полосой стрессовых ситуаций.

Вот и гадай теперь — в чем именно причина моего нехорошего состояния?

Но я по натуре оптимист, и, отгоняя совсем уж мрачные предположения, что буду доживать свой здешний век развалиной, делающей по две передышки на пути к отапливаемому сортиру, начал задумываться о ближайшем светлом будущем. Вокруг кипит бурная деятельность: продолжается ремонт замковых строений, несмотря на заморозки и ненастную погоду, народ тащит в Мальрок все, чем богата округа. Спешат заполнить кладовые под потолочные перекрытия, чтобы протянуть до посеянных озимых. Хозяйственный епископ почти ежедневно зачитывает мне списки трофеев. Он очень переживает по поводу возможного голода, но с каждым днем все меньше и меньше. Единственное, что его сильно печалит, — засилье озерной и речной рыбы в нашем рационе. Он ее уже почти ненавидит.

Ничего, как-нибудь перетопчется. Тем более епископ — ему поститься по сану положено.

Надо подниматься и начинать что-нибудь делать. Я ведь умный и хороший человек — нельзя, чтобы такое сокровище отлеживалось днями без малейшей пользы для Вселенной. К тому же мои подчиненные малочисленны, находятся в недружелюбной местности — глаз да глаз за ними нужен. Не справятся собственными силами. Приходится из кожи вон лезть, чтобы выжить здесь со столь неблагоприятным стартовым набором.

А я валяюсь, ничем не воздействуя на ситуацию...

— Тук.

— Да здесь я. Не украли. Да и кому нужно горбатое добро?

— Мой плащ высох?

— А куда он денется. Будто с бродяги снят. Совсем драный. Где бы новый справить — кожи доброй никак не могу найти.

— Неси.

— И чего это вам плащ понадобился?

— Чтобы надеть. И хватит лакать эту бурду! Что хоть пьешь?

— Чистейшую родниковую воду, — наивно попытался отмазать собутыльника попугай.

— Даже не смешно. Водохлебы выискались... Стоит мне вас оставить без присмотра, так сразу вино в погребке начинает убывать.

— Почему сразу вино? — обиделся Тук. — Нам чужого не надо. Правда, птица?

— Мы люди честные. Так что отдавай нам свои деньги, и у нас они не пропадут, — как-то сомнительно поддакнул попугай.

— Яблоки уродили неплохо, — продолжил горбун. — Жалко — сгниют ведь.

— И ты, значит, спас их, пустив на пойло? — догадался я.

— Вот все вы знаете сами, а спрашиваете зачем-то. Пришлось спасать — куда ж деваться, если надо.

— То-то яблоками от попугая все время разит. Я думал, он на фруктовую диету переключился, а вон в чем дело... Долго болтать будешь? Плащ неси.

— Сэр страж, вы никак выходить вздумали? Погодка се-

годня не ахти — ветер сырой. Как бы не продуло до простуды. В вашем состоянии до беды недалеко.

— Тук. Мне вот интересно: сэр Флорис тебя никогда за болтливость не порол?

— Ну что вы сразу так! Совсем характер испортился из-за болезни! Раньше сама доброта были!

— Тук!

— Молчу! Молчу! Сейчас принесу плащ. Щеткой только пройду по нему хоть разок и сухого мха в сапоги набью, раз уж вам так нейдет длинными соплями обвешаться.

Тук пошел наверх. Где-то там, под перекрытиями, возле каминной трубы, он сушит тряпье. Начав потихоньку одеваться, я в который раз уточнил у Зеленого:

— Твой магистр ничего полезного мне не передавал? Например, рецепт лекарства? Или хотя бы пару слов насчет того, когда это безобразия закончатся? И закончатся ли вообще?

Попугай, не переставая чистить перышки, ответил гнусно:

— Лекарь велел передать, что ты сдохнешь.

— Спасибо, птиц... умеешь ты утешать...

Видимо, мой тон попугаю не понравился. Бросив свое занятие, он нравоучительным тоном посоветовал:

— Выпить тебе надо и к бабам сходить. Для начала...

— С таким началом точно сдохну...

* * *

Тук, к сожалению, не обманул — погода и впрямь не способствовала прогулкам дистрофиков. Пронизывающий до костей сырой холодный ветер; сплошная пелена свинцовой облачности, едва не касающейся макушки; мельчайшая водная пудра, пропитавшая воздух. Дождя как бы нет, но постоишь несколько минут — и плащ становится мокрым.

На стену я забрался без передышек — не хотел на глазах у народа позориться лишний раз. Благо лестницу давно починили и не приходится карабкаться по сомнительным стремянкам.

Наверху был вынужден остановиться для пополнения

запаса кислорода — дышал будто лошадь загнанная. Арисат, не обращая внимания на мое состояние, не переставал отчитываться, давясь скороговоркой слов, — давненько я оборонительного хозяйства не инспектировал.

— Стены, как видите, в полном порядке. И верхние перекрытия на башнях тоже восстановили, но внутри работы еще много. Настилов сплошных нет, лишь площадки у внешних амбразур временные, и лестницы к ним тоже кое-как сколотили. Как дойдет очередь, придется ломать и делать уже капитально. Лес есть, так что к весне должны управиться.

— А что с воротами? Вчера осмотрел мельком — не понравились.

— Полосы и листы ребятки Грата уже выковали — завтра с утра начнут обивать. А с решеткой прям беда — долго еще работать над ней будут, а уж ставить ее и вовсе упреем. Ведь придется разбирать часть стены и перекрытий, а потом сверху опускать. Как затаскивать наверх, даже сами еще не поняли. К тому же по холоду. Думать будем.

— А почему по теплу не сделали? Решетка ведь здесь была готовая — я видел.

— Ага. Была. Да только ортарцы бронзовые кольца, что прутья стягивали, порубили и утащили. И железа часть пропала — или с собой забрали, или утопили всем назло. Отвернись — так они навоз из-под вонючего козла стащат. Крохоборы... На весу починить ее Грат не смог — пришлось до конца разбирать. А потом, когда ему железа со всего Межгорья натаскали, вошел во вкус и начал не пойми что делать. Говорит, что несокрушимая будет. А по мне и старая хороша. Да к тому же проку от нее поменьше, чем от крепких ворот. Но ему если в голову взбредет, то все.

— Арисат, Грату скажи, чтобы перестал ерундой заниматься и не растягивал этого дела. Решетку надо поставить как можно быстрее.

— Гостей ждете незваных? — насторожился бакаец.

— Не забывай, что это за место. Слишком спокойно живем уже не первый месяц. Как бы не пришлось заплатить весельем грустным.

— Это вы верно подметили. Чем дольше гадости не вы-

падают, тем больше в итоге насыплется за раз. На той неделе ребята наши с юга вернулись. Говорили, что поганы следы встречали. У реки, причем на нашем берегу. Далековато, конечно, но все равно нехорошо.

— Знаю. Разведчиков надо еще и на северо-восток послать. Туда, где горы к побережью подходят. Глянуть, что там. В тех краях межгорцев, по слухам, вообще не осталось. Мертвая земля.

— Или прячутся от всех, — предположил Арисат. — Народ тут почти весь вырезали, а кто остался — те запуганы на совесть.

— Да. Может, и так. Что с баллистами?

— Грат говорит, что через неделю-другую две как новенькие будут. С остальными хуже — дереву для них долго еще сохнуть. Камней тесаных много осталось — делать не к спеху. Ими швыряться одно удовольствие. И стрел хватает. Не только для машин, но и для луков. Или ортарцы их не нашли, или некуда брать было: обоз — не бочка бездонная.

Решив, что силы немного восстановились, я неспешно двинулся в сторону башни. Арисат не обманывал — стена, похоже, к обороне готова. Хотя и видно, что на скорую руку латали повреждения. Навес, защищающий от стрел и непогоды, имеется лишь местами. Скорее всего, найденной в Мальроке черепицы не хватило на сплошной, а сами ее производство пока что не наладили. Ортарцы повредили несколько зубцов, но эти повреждения уже залатали: в глаза бросались светлые пятна свежей кладки.

Вообще, по зрелом размышлении мне укрепления замка понравились не так сильно, как поначалу. Слишком все простенько. Нет, я, конечно, не специалист в вопросах фортификации. Но даже мне понятно: подойди враг под стены — окажется в мертвой зоне. Лишь с вынесенных вперед башен есть варианты постреливать из редких боковых амбразур да сверху, практически вслепую, можно бросать тяжелые предметы на головы нежеланных гостей. С другой стороны, учитывая природные укрепления Мальрока, на такие мелочи можно не обращать внимания. Атаковать с суши получится лишь со стороны перешейка между тупиком Г-образного канала и руслом реки. И там и там вода

стиснута обрывистыми скальными берегами минимум трехметровой высоты. Это серьезно затрудняет подвод стенобитных орудий. Сам перешеек защищен исполинской башней со столь крепкими стенами, что ломать их придется очень долго, а подводить туда подкрепления на случай вылазок затруднительно: ровное, хорошо простреливаемое пространство, ограниченное все теми же водными преградами.

Поставить наверх пару обещанных баллист — и можно поплевывать на врагов сверху.

Наверное...

Ну не спец я по обороне древних замков. Так уж получилось — готовили меня поспешно, не успев научить множеству вещей. В том числе фортификации. Посчитали, что электроника важнее.

Остановившись, я указал вниз — на несколько стругов и лодок, стоявших в канале:

— Арисат, почему они не на промысле?

— Так ветер же сильный. Волну поднял нехорошую, а защиты от нее на причалах нет. Вот и остается или в канал, или в реку. В канал, конечно, удобнее — не надо против течения выгрести. Хорошо, что успели завести в эту теснотищу.

— Плохо. Надо будет что-нибудь придумать. Волнорезы, волноломы...

— Как это?

— Искусственную бухту сделать. Из камней защиту поставить от волн.

— Это ж сколько работы!

— Ничего. Мы сюда не на пару дней пришли. Постепенно сделаем. Как там, кстати, с рудой дела?

Арисат указал вдаль — где-то там, в районе разрушенной водяной мельницы, поднимался столб дыма:

— Вон, коптят что-то.

— Сам вижу, что коптят. Я не о том спрашивал.

— Об этом вам лучше с епископом поговорить — я в его хозяйство не лезу.

— И как же я с ним поговорю, если он опять пропал? Не-

сет заблудшим душам свет веры, в то время как очень нужен здесь. Мать его...

— Верно, ему дай волю — так и будет годами шляться по холмам проклятым. А с рудой, по слухам, медленно дело идет. Раньше ее вроде как дробили на мельнице, а уж потом в огонь сыпали. Сейчас мелют по старинке — вручную, а это дело небыстрое.

Самому, что ли, съездить? При одной мысли о седле поплохело. Может, плюнуть на гордость и перейти на «тележное передвижение»? Устроить фургон с парусиновым тентом, закутаться в теплое тряпье? Всадник из меня никакой, так что надо или ждать просветления в этом мраке, или смириться и пользоваться тем, что осталось.

Арисату было скучно стоять молча, и он уточнил:

— А зачем вам столько свинца понадобилось?

— Пригодится, — загадочно ответил я и продолжил движение в сторону башни.

Свинцом Межгорье было очень богато, вот только месторождения располагались далековато от Мальрока. Я, правда, ни на одном из них не побывал (из-за состояния здоровья), но рассказов очевидцев наслушался. Да и образцов немало пересмотрел, в том числе и на тех телегах, которые вернулись из похода за рудой. Галенит¹ в них лежал такими глыбами, что в теперешнем состоянии мне подобной не поднять.

Сам по себе свинец меня не слишком интересовал. Тем более что я изначально ограничил область его применения. К примеру, разбил женские мечты о кастрюлях из этого чудного металла и обломал епископа, размечтавшегося о водопроводе с отличными трубами. Аборигены не знали о токсичности этого металла, но я об этом не забыл. В нашей истории им злоупотребляли древние римляне, в чем, возможно, кроется одна из причин упадка их империи.

Для чего мне вообще понадобился этот яд? Ну, первым делом — это старт местной металлургии. Хоть с чего-то начнем, а там видно будет. Ведь помимо свинца где-то здесь

---

¹ Галенит — свинцовый блеск. Минерал, сульфид свинца (PbS). Основная свинцовая руда. Часто содержит примеси других металлов, обычно добывается вместе со сфалеритом (сульфид цинка) и сульфидами других металлов.

есть и железо, а еще поговаривали о том, что когда-то на севере добывали медь и серебро, но затем жилы ушли в глубину и уровень местных технологий не позволил туда забраться.

С одной стороны, просто слухи, но с другой — меня слишком хорошо подготовили (в некоторых вопросах), и все эти намеки свидетельствовали о наличии в Межгорье перспективных полиметаллических месторождений. С моими знаниями здесь можно неплохо развернуться. Местные, очевидно, сняли только сливки, поверху, но что делать дальше — не знали.

А я вот знаю. К примеру, в том же галените всегда есть примесь серебра. Иногда до одного-двух процентов, но обычно десятые доли процента. То есть из тонны чистой руды с учетом потерь реально получить от нескольких сот граммов до килограмма и больше. Учитывая, что этот благородный металл ценится здесь немногим дешевле золота, — соблазнительно.

Аборигены даже не подозревают, что в обычном свинце присутствует такая приятная добавка. А если бы и знали, то попробуй еще выделить. В принципе даже египтяне до этого каким-то образом догадались — использовали купеляцию¹. Так что даже со здешним уровнем технологий я смогу наладить процесс.

Для чего мне серебро? Для налаживания товарно-денежных отношений. Я ведь не в коммунизм попал — если нас здесь не вырежут в ближайшее время, то неизбежно возникнет проблема заинтересованности работников в своем труде. Бесконечно пахать на «дядечку» под предлогом внешней угрозы не получится. А еще надо планировать закупки во внешнем мире и финансирование переселения новых подданных.

Новых? Конечно, я ведь собираюсь расширяться. После совместных действий нечисти и ортарской армии плотность населения в Межгорье упала до арктической. На сегодня здесь приблизительно две-три тысячи человек, из ко-

---

¹ Купеляция (купелирование) — (от фр. *coupelle* — разделительная печь; буквально — чашечка) — окислительное плавление сплавов благородных металлов с целью выделения их в чистом виде.

торых лишь около пятидесяти процентов можно считать полноправными подданными. Нет, остальные вовсе не бунтовщики. Просто они испуганы и наотрез отказываются выбираться из лесов и пещер. Пусть там голодно и холодно, но зато безопаснее. Они не пашут землю, не пасут скот — полностью бесполезны. Принудить их я не могу — все равно сбегут назад и начнут прятаться еще серьезнее, теперь уже от меня. Раз уж такие дела, приходится закрывать глаза на тех, кто хотя бы номинально признает мою власть.

Крестьяне плодятся быстро, но и детская смертность здесь серьезная — естественным путем Межгорье вернется к бывшей плотности населения очень нескоро. А я не могу ждать: природа не терпит пустоты, и ничейная земля в Пограничье очень быстро оказывается занятой. Причем не людьми.

Потому и подумываю о переселенческой программе. А чем сюда народ завлекать? Вот тут-то серебро и пригодится — лучшего способа обогащения пока что не нашел. Все остальные требуют внедрения сложных по местным меркам технологий, а значит, времени, с которым у меня напряг.

Кстати, свободных людей в этом мире не так уж много. Кто к земле прикреплен, кто крестьянин баронский или королевский, кто пожизненно в гильдии, кто-то и вовсе раб бесправный. Остается надеяться на недовольных жизнью — такие есть всегда. И процент швали среди них немаленький. Тоже проблема...

Но даже шваль надо еще как-то затащить. Я бы на месте простого обывателя хорошенько подумал, прежде чем перебираться из спокойного города в веселое Межгорье. Хоть золотом дорогу усыпь — все равно бы хорошо подумал.

Мысли пролетали в голове быстро: вот я получаю первый пуд серебра; вот встречаю первый караван переселенцев — сотни телег, тысячные стада скота; вот инспектирую тянущиеся по всей долине пшеничные поля и наворачиваю блины со сметаной в попавшейся на пути восстановленной корчме. И в конце концов, стою во главе тысячного войска на берегу реки. Лениво наблюдаю за тем, как по броду мчитсся лавина сюрреалистических тварей.

В какой-то момент бездеятельное созерцание надоедает.

Я неспешно поднимаю руку, а затем резко опускаю. Мушкетно-пушечный залп. Вой пуль и картечи, разрывы бомб. Десятки тонн мясного фарша уходят вниз по течению. Выжившие монстры поспешно разворачиваются, мчатся назад с целью удрать как можно дальше и больше сюда не возвращаться. Но я сегодня беспощаден: вслед беглецам бьют лучшие стрелки, вооруженные нарезными штуцерами. А потом небо переполняется воем пороховых двигателей, и сотни ракет превращают противоположный берег в филиал ада. Чудом уцелевшие твари, обгадившись от пяток до ушей, сходят с ума и совершают акт коллективного суицида головами о ближайшую стену — лишь бы не знать, что у меня там дальше по программе.

А дальше...

Дальше у меня много чего, но это пока что в перспективе. Далекой. Когда-нибудь так и будет. Если доживу. А пока что начинаю с малого: тащу сюда свинец, посылаю людей искать руды, глину, чистый песок. Закладываю ямы, из которых потом буду добывать селитру. Планирую параллельно с выплавкой свинца начать выделять серу из того же галенита — на порох и кислоту. Рисую чертежи машин для водяных мельниц и потихоньку заказываю нашим и без того загруженным мастерам разнообразные детали. Пока что по мелочи, но это только начало.

Хорошо бы найти китайские пулеметы и потом научиться их копировать. Само собой, патроны тоже надо выпускать самостоятельно. С пулеметами я стану...

Мечтаю быстро (просто спец), но все равно не мгновенно. Пришлось прерваться — дошли до башни. Попасть в нее со стены не получилось — окованная дверь закрыта изнутри.

Арисат, стукнув по ней кулаком, довольно констатировал:

— Крепко сколочено. Если чужой заберется наверх, то внутрь никак не попадет. Мои ребята никому не откроют.

После этих слов громыхнул засов, дверь медленно отворилась, из недр башни высунулась бородатая морда каменщика-иридианина. Завидев нас, он радостно заулыбался:

— Вот здесь кто! А я-то удивился — кому это стучать вздумалось? День добрый, сэра страж, и вам тоже, Арисат!

— Говоришь, никому не откроют? — язвительно уточнил я у бакайца.

Тот, многообещающе-зловеще покосившись на каменщика, с досадой выдал:

— Это же иридиане! Как их ни учи, все равно телятами остаются!

Я хотел заглянуть в башню, но был отвлечен новым зрелищем — из коридора перешейка показалась группа всадников. В переднем узнал Конфидуса. Арисат тоже его заметил:

— Во! Епископ вернулся! Может, что интересное привез?

— Сейчас узнаем. Поговорить мне с ним надо, заодно и расскажет.

* * *

Разговор с епископом закончился неожиданно, а поначалу вообще не ладился.

Съездил он по большому счету неудачно. В последнее время, пользуясь тем, что руководства над ним практически не стало, он почему-то решил, что Бог возложил на него сразу две важные миссии.

Первая: хотя местное население невелико, но тоже нуждается в свете веры, причем не какой-нибудь, а непременно иридианской. Плевать, что в Ортаре (и не только там) она считается еретической, — Корфидус ведь не сомневался, что его учение единственно верное. Инквизиторов, способных ему прямо сказать (и не только сказать), что он неправ, в Межгорье не было. Если вдруг появятся, то вряд ли с ними разговоры начнут вести — здесь никто не заинтересован в их присутствии, а учитывая легкость, с которой бакайцы хватались за оружие... Нет, черной братии в моем потенциальном графстве пряников не предусмотрено.

Вторая миссия тоже непростая: скверна, целый год пропитывавшая и без того не святую землю Межгорья, должна быть выжжена с корнями. К сожалению, сэра страж надор-

вался при исполнении очередного самоубийственного подвига и пока что в этом важном деле не помощник. Вот и приходится епископу самостоятельно проверять все слухи о деятельности темных сил. Но это так — мелкий приработок. Самое главное — Конфидус свихнулся на ведьмах и колдунах. Они ему мерещились везде, даже на меня иной раз косо поглядывал. Пару раз пытался завести разговор на тему: «А что это вы такое мне рассказывали там, в катакомбах под столицей Ортара, когда мы в дерьме по уши из катакомбы драпали?» Оба раза я ему отвечал резко, с долей иронии — мол, никак не могу понять, почему такие вот неглупые люди погрязают в религиозном мракобесии. Ведь умеет же мыслить здраво, и даже не стопроцентный догматик. Однако иногда на него что-то находит, и тогда уже до рассудка не достучишься.

Раньше мне дико было: наемник, на котором пробы негде ставить, — и вдруг в религию ударился. Как так?! Но теперь не удивляюсь. Из одной крайности на другую переключился.

Жаль... Очень жаль... Я ведь назначил его своей правой рукой, потому что не сталкивался с такими неприятными чертами характера. А теперь, столкнувшись, начал думать: а стоило оно того? Похоже, у него на первом месте стоит не вопрос нашего выживания и дальнейшего процветания, а еретически-махровая бредятина. Как исправить? Не знаю...

А кого вместо него? Да некого — кадровый голод. Хороших и неглупых вояк хватает, хозяйственники тоже есть, а вот управленца, способного эффективно справляться с вопросами, касающимися всех аспектов как мира, так и войны, не имеется. Альтернативы епископу нет.

Пока в голове проносились все эти вопросы, Конфидус рассказывал о поездке, перемежая слова доклада нудными религиозными отступлениями и даже отдельными здоровыми мыслями, созревшими у него во время поездки.

— ...До центрального побережья оттуда всего ничего оставалось, но я поостерегся к нему идти. Воинов мало, а места опасные. Местные, которых нашли в пещере, говорили, что галеры там шастают. И не только мимо ходят: пристают часто. Водой запастись или вынюхать, как там и что.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пролог.</i>	5
<i>Глава 1. Made in China</i>	8
<i>Глава 2. Инвалид на хозяйстве</i>	22
<i>Глава 3. Маразм крепчает</i>	38
<i>Глава 4. Непопулярные решения</i>	54
<i>Глава 5. Суровая теория и унылая практика</i>	70
<i>Глава 6. А обещали принцессу...</i>	85
<i>Глава 7. Ранняя стадия мании величия</i>	102
<i>Глава 8. Пещера Али-Бабы и прочие будни начинающего завоевателя</i>	113
<i>Глава 9. Перекресток</i>	123
<i>Глава 10. Опасная Штучка</i>	136
<i>Глава 11. Заячьи бега</i>	149
<i>Глава 12. Олень-убийца</i>	162
<i>Глава 13. Кому и волк товарищ</i>	178
<i>Глава 14. Четверо в лесу, не считая попугая</i>	185
<i>Глава 15. «Всяка нечисть бродит тучей...»</i>	204
<i>Глава 16. Приют усталого путешественника</i>	227
<i>Глава 17. Топоры войны</i>	239
<i>Глава 18. Подлая война</i>	251
<i>Глава 19. Разгром</i>	258
<i>Глава 20. Разгром?</i>	279
<i>Глава 21. Диверсант</i>	295
<i>Глава 22. Подлая война, часть вторая</i>	306
<i>Глава 23. Великая битва за корчму</i>	315
<i>Глава 24. Почти честный бой</i>	333
<i>Глава 25. Время хоронить</i>	345
<i>Глава 26. «Добро пожаловать...»</i>	355